

Людмила Старикова

Кто автор описания «комедий», виденных русскими послами во Флоренции в 1660 г.?

Во второй половине XVII в. на Руси безоговорочное влияние православной церкви на все сферы русской жизни, в том числе и искусство, начинает ослабевать. Царь Алексей Михайлович, принимавший личное участие в военных походах 1650 х гг. в Польшу и Швецию, стал проявлять интерес к иноземным новшествам и пытался примерить их к своему двору.

Самодержец все чаще оглядывался на европейские державы, с которыми Московия вступала в тесные связи, прокладывая себе дорогу в большую европейскую политику не только ратным путем, но и при помощи дипломатии, значительно активизировавшейся. Между русским государством и европейскими дворами налаживаются непосредственные контакты при помощи посольств и посланников. Возвратившись из заморской стороны, они докладывали русскому государю обо всех виденных за границей диковинках, в том числе и о театре, которого до того на Руси еще не бывало.

У царя Алексея Михайловича установились довольно тесные и обоюдовыгодные сношения с великим герцогом Тосканским Фердинандом II. В 1650-е гг. Флоренцию (как и другие итальянские города и владения) посетили несколько русских гонцов, неофициальных посланников и официальных посольств. В 1654 г. в Венеции и Флоренции находился посланный от Алексея Михайловича «торговый иноземец» Иван Гебдон, которого флорентийский герцог «завал к себе трижды»¹ и расспрашивал о Московском государстве и русском царе, желая установить более тесные торговые отношения между Тосканой и Москвой. В 1656–1657 гг. Флоренцию посетили проездом в Венецию русские посланники И.И. Чемоданов и А. Посников, очень радушно и с большим почетом встреченные Фердинандом². В 1659–1660 гг. специально во Флоренцию было отправлено посольство В.Б. Лихачева и И. Фомина, удостоившееся пышного торжественного приема. Зная, что в моменты пребывания этих посланцев во Флоренции там происходили театральные представления, можно предположить, что они все были их свидетелями. К слову, во время пребывания во Флоренции посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова там на масляной неделе была представлена драма на музыке *Il Potestà di Colognole* («Подеста из Колоньоле»)³. В момент пребывания посольства В.Б. Лихачева и И. Фомина они могли («во время карнавала») увидеть целых три разных театральные представления.

Рассказы этих и других очевидцев о диковинных «комедиях» при европейских дворах во многом содействовали появлению желания у царя завести такую же «потеху» у себя в Москве. Вероятно, не случайно, что «торговому человеку» И. Гебдону, которому поручались многочисленные миссии по закупке иностранных товаров и вербовке на русскую службу всевозможных иноземных специалистов и мастеров, уже в 1657–1658 гг. царь указывал «призвать в Московское государство мастеров комедию делать»⁴. (Идея материализовалась много позже, в 1672 г.,

Портрет царя Алексея Михайловича. 1660-е гг.
Гравюра по рис. из «Собрания рисунков к путешествию в Россию барона Мейерберга в 1661–1662 годах...» СПб. 1827

в виде первого на Руси придворного театра, просуществовавшего до самой смерти государя в январе 1676-го.)

Однако из всех свидетельств очевидцев, видевших спектакли во Флоренции в 1650-е гг., а также и в других местах, до нас дошло, собственно, только одно подлинное, зафиксированное письменно, относящееся к посольству посланника Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина, посетивших герцога Фердинанда в 1659–1660 гг. Вот оно:

«<...> О комидиях

Князь приказал играть; объявились палаты и бив, палата и вниз уйдет; и того было шесть перемен; да в тех же полатах объявилось море колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху полаты небо, а на облаках сидят люди; и почали облака с людьми на низ опущаться, подхвата с земли человека под руки, опять в верх пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда ж поднялись за теми на небо. Да спущался с неба же на облаке сед человек в корете, да против его в другой корете прекрасная девица, а аргамачки под коретами как быть живы, ногами подрягивают; а князь сказал, что одно солнце, а другое месяц.

А в иной перемене в полате объявилось поле полно костей человеческих и враны прилетели и почали клевать кости; да море же объявилось в палате, а на море корабли небольшие и люди в них плавают.

А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах и почали саблями и шпагами рубиться, и из пищалей стреляти, и человека с три как будто и убили; и многие предивные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют; и многия диковинки делали: да вышед малый и почал прошать есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить не могли.

А та игра делана до Посланников за 8 недель, а стала де она в 8000 ефимков.

Такова же комидия послана в дар к испанскому королю, как сын у него родился.

А комидий было при нас во Флоренске три игры разных»⁵.

Этот отрывок из текста, впервые опубликованного Н.И. Новиковым в 1788 г. в одной из частей «Древней Российской Вивлиофики», под названием «Статейный список Посольства Дворянина и Боровского наместника Василья Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) году»⁶. На основании его на протяжении нескольких веков судили об образовательном и культурном уровне наших дипломатов того времени (отмечая наивность их восприятия, явную неосведомленность в данной области и культурную ограниченность).

Тщательное изучение процитированного описания виденного спектакля и других документов, относящихся к этому посольству, породило много вопросов, вплоть до сомнения в подлинности документа, опубликованного Н.И. Новиковым, что потребовало дополнительного исследования и доказательств.

Итак, при любом посольстве обязательно велся так называемый «Статейный список», то есть подробный дневник (он же отчет) обо всех событиях, беседах, переговорах, обсуждаемых вопросах, возникавших проблемах и разногласиях, достигнутых соглашениях и тому подобном. И от данного посольства мы имеем, кроме опубликованного Н.И. Новиковым, официальный подлинный, сохранившийся до сих пор в Архиве древних актов, документ XVII в.: «Статейный список Посланников Василья Лихачева и дьяка Ивана Фомина бытности их во Флоренции с благодарением за учиненное российским в Венеции бывшим посланником Чемоданову и Посникову вспоможение и с объявлением, что государь по желанию Флоренского князя дозволяет коммерцию его подданным иметь в России и икряной промысл не иному кому как тем же откупщикам Флорентинцам отдан будет, и чтоб равным образом отпускаемо было из Флоренции прямою ценою и без пошлинно все то, что про

государев обиход надобно будет. (7167/1659 июня 23–11 июня 1660)»⁷. Но в нем не оказалось совсем никакого упоминания о присутствии посланников на театральном представлении и его описания. При сличении вышеназванного подлинного «Статейного списка...» и опубликованного Новиковым выявилась огромная разница – и прежде всего в объеме этих документов: первый представляет собой объемистую рукописную книгу в 356 листов (в 4° долю листа) в переплете (который из-за плохой сохранности был реставрирован в 1948 г. и утратил следы первоначального материала); новиковский занимает всего 20 страниц печатного текста XVIII в. (в 8° листа). Что же относится к содержанию текстов, то разночтения касались как мелочей, так и весьма принципиальных моментов. Среди мелких несоответствий: обозначения чисел, которые в подлинном «Статейном списке...» написаны древнеславянскими буквами, как было принято на Руси в XVII в., а в новиковской публикации – арабскими цифрами, как писалось в России с начала XVIII в.; и в названии некоторых месяцев: в подлинном – привычно, по-русски – сентябрь, ноябрь, декабрь, в новиковском – септемврий, ноемврий, декемврий (по церковно-славянски).

В публикации Новикова отсутствует многое, дотошно зафиксированное в подлинном «Статейном списке...», касающееся, по большей части, официальных церемоний и, говоря современным языком, протокольных подробностей посольства. Но зато в него вставлено многое, чего не оказалось в подлинном «Статейном списке...», прежде всего относящееся к иноземному быту, нравам, разным заморским диковинкам, к происшествиям, в том числе и описание виденного театрального представления.

Приведем наиболее яркий пример такого несоответствия. Так в подлинном «Статейном списке...» подробно описан один из самых напряженных моментов посольства, чуть было не сорвавший всю его миссию. Вскоре по приезде посланников во Флоренцию, почти сразу после первой официальной аудиенции у герцога Фердинанда, тот настоятельно потребовал от посланников, что бы после него «идти б вам ко княгине и к сыну, и к братьям»⁸ его. Это вызвало возмущенный отпор у посланников: «идти нам не пригоже, потому что по указу великого государя нашего царского величества посланы мы к Грандуке, а не к сыну и братьям ево»⁹ (не говоря уже о княгине, то есть, герцогине!). Посланникам определенно сказали, что «здесь де так чин ведетца <...> и то де... учините высокочестнейшему князю нашему великое безчестье

Шествие русских послов с дарами при посольстве к римскому императору Максимилиану II. Раскрашенная гравюра (ксилография). 1576 г. Фрагмент

и позор» и что все приезжающие послы так делают (включая бывших в 1656 г. русских посланников И.И. Чемоданова и дьяка А. Посникова). Однако Василий Лихачев и Иван Фомин ответили, что иные послы и посланники для них «все не образец». Этикетные препирательства продолжались несколько дней с угрозами от Фердинанда, что в случае не выполнения его требования, он их «вышлет из палат своих», отошлет их из страны без отпускной аудиенции и без грамоты, напишет русскому царю об их упрямстве и т.д. Но посланники твердо стояли на своем, заявляя, что они приехали во Флоренцию от «великого государя всея Великия и Малыя и Белья России самодержца», а не от себя и поступают так, как им указано, и что, отпустив их, не выслушав дела, с которым их прислал царь, герцог нанесет великую обиду прежде всего Алексею Михайловичу.

Фердинанд смирился, так как речь шла об уступке русским царем флорентийским купцам промысла черной икры на будущие пять лет (в обход промышленников других стран) и разрешении «повольной торговли» подданным Тосканы в русских городах, а также в Москве. Конфликт был заглажен, и русские посланники в ответ на визиты братьев герцога, его сына Козимо и «кавалера», посланного от герцогини, нанесли сами визиты родственникам герцога (включая «княгиню»). После чего посланникам предложили «погулять в иных княжих полатах

и в них строенья посмотреть <...> погулять в казенных ево палатах, где ево казна <...> за городом на пушечном дворе»¹⁰.

В новиковской публикации, сразу после упоминания о приезде во Флоренцию, следует живописание увиденных диковинок и красот: «Генваря в 12 число въехали в город Флоренск; после встречи в город принял и на княжой двор поставил брат княжий Матиас, и стояли на княжом дворе неделю. А на дворе палаты о осми жильях с 250; а во всех запоны драгия и столы аспидные, писаны золотом, а чернилница, из чего писали, золотая фунтов в тридцать; а вместо песка руда серебряная. <...> А креслы крыты бархатом участочным; а отходы (отхожее место, т.е. туалет. – Л.С.) крыты бархатом флоренским, выпражняют их по вся дни. <...> А оног княжова двора древа кедровыя и кипарисныя и благоухание велие. А о Крещении жары великие, у нас на Руси таково и о Иванове дне. Яблоки великие и лимоны родятся по дважды годом; а зимы во Флоренске не бывает ни одного месяца. Царского величества посланникам бил челом князь, чтобы они пожаловали посетили в полатах братию его и княгиню и сына его Косму; и посланники в палатах у них были и с ними виталися»¹¹. Далее в новиковском следуют многочисленные перечисления виденного: в «казенной» и «оружейной» палатах, на «оружейном» и «конюшенном» дворах; настольных украшений во время угощения у герцога; бала, где «ночь всю танцовали сам князь и сын, и братья, и княгиня»¹². И затем следует пункт «О комидиях», процитированный в начале нашей статьи.

Кроме этих подробностей, отсутствующих в подлинном «Статейном списке...» XVII в., в публикации Новикова помещена и еще одна довольно пикантная подробность, также не отраженная в подлиннике: «Флоренского князя княгиня била челом посланникам, чтобы ей сделали по русскому обычаю две шубки, чем ей подарить новобрачную невестку свою; и они шубки сделать велели под камкою и под тафтою, у одной исподь (изнанка. – Л.С.) горностаи, а у другой белей (из белки. – Л.С.); и вздела на себя и дивилась, что урядно выделали»¹³. И после сообщается еще одна подробность будущей свадьбы: «Княжому сыну Косме готовили полату, написана вся золотом, а стены обивали бархатом флоренским полоса, а другая участки на золоте турские, а длиною полосы в три сажени; а полос со сто, где быти с новобрачною»¹⁴.

Так что же опубликовал в 1788 г. Н.И. Новиков? Являлось ли это копией документа XVII в., неизвестного еще историкам, вольной компиляцией с подлинного статейного списка или вообще фальсификацией? И можно ли на это опираться, говоря о русских дипломатах XVII в.?

Этими вопросами задавался еще в 1840 г. профессор Погодин (редактор «Русского исторического сборника»), писавший: «Новиков в “Российской Вивлиофике” напечатал извлечение из одного статейного списка; наказ, данный посланникам, их отписки, грамота Фердинанда и другие бумаги, объясняющие это посольство, ему не были известны. Впрочем, у Новикова находятся некоторые подробности, которых нет в статейном списке и других бумагах. Должно предполагать, что у него был другой список, может быть, фамильный, сохранившийся у наследников Лихачева или Фомина. Добросовестность Новикова при издании древних актов известна каждому»¹⁵.

Действительно, «добросовестность Новикова» подтвердилась нами в данном случае тем, что был обнаружен документ XVIII в., хранящийся в том же Архиве древних актов (где и подлинный «Статьейный список...»), – дело под названием «Описание Посольства Боровского наместника Василья Лихачева во Флоренцию в 1659 году»¹⁶, текст которого оказался почти идентичным с опубликованным им в 1788 г. Но при построчном сличении текста «Описания посольства...» с напечатанным в «Древней Российской Вивлиофике» выявились незначительные мелкие несовпадения, свидетельствующие, что не с «Описания...» Новиков публиковал свой «Статьейный список». Судя по всему, оба эти, идентичные в основном по тексту, документа являются копиями, сделанными в XVIII столетии с одного подлинного документа XVII в., не дошедшего до нас, или же с разных ранних копий с утраченного подлинника XVII в. Это доказывают мелкие разночтения: так в «Описании...» месяца написаны так же, как и в подлинном «Статьейном списке...» XVII в. (по-русски), а в новиковской публикации – «септемврий – декемврий»¹⁷ (по церковно-славянски), а также есть и другие мелкие несоответствия.

Какая из вышеуказанных копий (новиковская или «Описание...») появилась раньше, сказать нельзя. Известно, что копии со старинных статейных списков делались еще в начале XVIII в. (а может быть, и в конце XVII-го), они переписывались для царственных отпрысков в процессе их воспитания. Так Н.И. Новиков сообщал о публикуемом им статейном списке И.И. Чемоданова: «Статьейной список посольства в Венецию печатан с находящейся у меня рукописи, писанной старинным почерком в четверть листа; в начале оной книги на белом листе подписано женским старинным почерком тако: Книга Статьейной список Великого князя Петра Алексеевича»¹⁸ (к которому из великих князей это относилось – неизвестно; это мог быть и будущий Петр I, а также и Петр II).

Интерес к старинным статейным спискам оживлялся у русского двора периодически. В 1730-е гг. у императрицы Анны Иоанновны возникла необходимость переиздать «Уложение» царя Алексея Михайловича (важнейший государственный документ его эпохи), при котором намеревались напечатать и «Жизнеописание» царя. Для его составления велено было в архивах Коллегии иностранных дел и Посольского приказа «приискывать» подлинные документы тех времен, в том числе о дипломатических сношениях тогдашней Руси с иностранными государствами, при этом оговаривалось: «Но потребно списывать статейные списки самого старинного штилю, <...> чтоб по слогу и наречию старому курioзны или любопытны были, <...> но чтоб и невелики были»¹⁹. Они отсылались из Московского архива в Петербург «для любопытства Ея Императорского Величества о старинном языке и стиле»²⁰. В этой связи, вероятно, и возникла необходимость переписать и подлинный «Статьный список...» посольства В.Б. Лихачева во Флоренцию (в 356 листов). В результате получилась довольно объемная рукописная копия размером в ½ листа, состоявшая из 93 листов, – «Список со статейного списка», переплетенный в коричневую кожу с золотым тиснением, сохранившийся до нашего времени²¹. А для поднесения императрице, вероятно, переписали еще и «невеликий» со множеством «куриозных» деталей документ от этого же посольства – «Описание посольства...». Примечательно, что именно во второй половине 1730-х гг. тема дипломатических сношений России и Флоренции стала вновь актуальной. Вдобавок, именно в 1730-е гг. при русском дворе актуальной являлась и тема итальянского театра, в связи с пребыванием с 1731 г. итальянских трупп при русском дворе. От этого времени сохранился в архиве Коллегии иностранных дел любопытный документ – «Перевод шутошного письма к флорентинскому герцогу от придворного российского шута Петра Мира» (актера и скрипача-виртуоза итальянской труппы при русском дворе, ставшего любимым шутом Анны Иоанновны), датированный 1736 г.²²

Находящийся сегодня в Архиве документ-копия – «Описание посольства...» представляет собой 24 листа рукописного текста (в ½ долю листа). Бумага, на которой он написан, голландского производства, датируется концом 1720-х гг.²⁵; она была особенно в употреблении в России в 1730-е гг., но встречается и в последующие десятилетия. Так почерк, близкий к почерку «Описания...» и абсолютно идентичный ему, попадает в делах РГАДА некоторых фондов, начиная с 1768 г. и до

конца 1770-х²⁴. Переплетено «Описание...» в красный сафьян с золотым теснением; абсолютно идентичные переплеты, только с коричневой кожей, имеются у документов «Именные указы Кабинета Ея Императорского Величества» Соляной конторе за 1768–1772 гг.²⁵ По внешнему виду это так называемый подносной экземпляр, написанный одной рукой аккуратным красивым почерком, занимающим только правую половину всего поля листа, оставив левую пустой. Можно предположить, что «Описание посольства...» переписывалось для сына Екатерины II великого князя Павла Петровича в связи с его предполагавшимся путешествием в Европу, в которое он отправился со второй супругой Марией Федоровной под именем графов Северных в начале 1781 г. Среди прочих они посетили и герцога Тосканского во Флоренции.

Кто же мог быть автором этого «Описания посольства...», а стало быть, и описания «комедии», виденной русскими послами? Обратимся к основным участникам этого посольства: посланник Василий Богданович Лихачев, дьяк Иван Фомин и дворянин Никита Кишкин (второй дворянин, Иван Власов, бывший в посольстве с И. Чемодановым и назначенный и в это посольство, «с Москвы не поехал, потому что остался болен»²⁶); переводчик латинского и польского языков Тимофей Топоровский, толмач (переводчик ниже рангом) немецкого языка Алексей Плетников (с сыном), крестовый поп Иван Алексеев, подьячий Степан Полков (из Посольского приказа), подьячий Панкрат Кулаков (из Таможенной избы от города Архангельска); «целовальник за государевою соболиною казною» (хранитель казны) Андрей Комлеха (от города Архангельска).

В подлинном «Статейном списке...» повествование начинается в Москве 23 июня и общее количество отъехавших людей названо 24 человека (кроме основных участников посольства присутствовали еще безымянные, упоминаемые как «посланничьи и дьячьи люди», вероятно, слуги разного ранга). В «Описании...» в начале сообщается, что посланники «приехали к Архангельскому городу июля в 23 день. <...> А всех Русских людей пошло на дву кораблях во Флоренск дватцать восемь человек»²⁷. От Архангельска вместе с посланниками в Венецию (через Флоренцию) отправился еще «государевой мастерской палаты кружевных дел мастер торговый человек Федор Корнильев» с двумя учениками для покупки «государевых всяких узорочных товаров».

Автор «Описания...», судя по всему, присоединился к посольству только в Архангельске, так как его повествование начинается именно

с прибытия туда посланников и заканчивается возвращением к Архангельску, тогда как в подлинном «Статейном списке...» повествование начинается от Москвы и продолжается до момента отъезда в Москву из Вологды.

Посольство отплыло за границу на двух кораблях: на одном – посланник Лихачев, Никита Кишкин, поп Алексеев, толмач Плетников с сыном, подьячий Степан Полков, целовальник Комлеха, «да посланничьи люди»; на втором – дьяк Фомин, переводчик Топоровский, подьячий Кулаков, «да дьячьи люди». Разместилось русское посольство на двух кораблях потому, что морской путь до Флоренции был очень долгий и опасный: хозяйничали на нем пираты и в случае гибели или захвата одного судна второе могло доплыть до цели. Автор «Описания...» плыл на втором корабле, потому что он зафиксировал час смерти и похорон Тимофея Топоровского, который умер во время плавания: «Сентября в 26 день на память св. Апостола Иоанна Богослова, идучи против Лопской земли к Поною, государев переводчик Тимофей Топоровский умер в 1 часу дня; и отпев над телом его надгробное пение и панихиду, тело его, обвив в рогожку, спустили в море в 4 часу дня»²⁸.

Кто же из присутствовавших на втором корабле мог быть автором «Описания...»? Это явно не дьяк Иван Фомин, так как в тексте несколько раз повторяется, имея в виду посланников Лихачева и Фомина: «и оне ехать хотели», «и они сделать велели»²⁹, и главное, Фомин ехал от самой Москвы. Можно было бы предположить авторство Федора Корнильева (он ведь ехал с посольством от Архангельска и вполне мог интересоваться иноземными диковинками и делать о них записи), но он должен был из Флоренции отправиться в Венецию, а в тексте ничего об этом не сказано.

Есть достаточно оснований предположить, что автором «Описания...» мог быть подьячий Панкрат Михайлов сын Кулаков, который был взят в посольство из Архангельска. В пользу данного предположения говорит многое: во-первых, он один назван в этом тексте с отчеством, с которым тогда писали (да и вообще знали их) только важных персон (как в подлинном «Статейном списке...» назван посланник В.Б. Лихачев). Во-вторых, чтобы написать такое немалое по объему «Описание...», нужна была привычка и навык письма, да еще в походных условиях; примечательно, что в одном месте автор обращает наше внимание: «чернильница, из которой писали, золотая фунтов в тридцать, а вместо песка руда серебряная».

Статейный список писал обычно посольский подьячий, которых в этом посольстве было два: «московский» – Степан Полков и «двинский», взятый «от Архангельского города», – Панкрат Кулаков; в тексте подлинного «Статейного списка...» явно видны две манеры письма и правописания. Если бы нашелся подлинник «Описания...», то можно было бы сверить почерк его автора с почерком Панкрата Кулакова, которым написан и подписан документ «Роспись, что осталось у переводчика Тимофея Топоровского после его смерти»³⁰, сохранившийся до нашего времени.

Но, кто бы ни был автором этого «Описания...», сейчас можно с полной уверенностью сказать, что в нем переданы впечатления от виденного, мнения и познания не русских послов середины XVII в., а человека иного социального круга, присутствовавшего в данном посольстве. «Описание...», по существу, является дневником русского путешественника середины XVII в., благодаря которому мы узнали, какие театральные представления видели русские послы и, следовательно, что могло быть предметом их пересказа царю Алексею Михайловичу.

В наше время, по прошествии более 350 лет, мы можем, благодаря итальянским источникам, установить, что русское посольство *присутствовало* на представлении оперы «Гипермнестра» (*L'Ipèrmnestra*). Она была заказана кардиналом Джованни Карло композитору Франческо Кавалли и поэту Джованни Андреа Монилья по случаю рождения (в 1657 г.) наследника престола у короля Испании Филиппа IV. Впервые опера была представлена во Флоренции 12 июня 1658 г. в *Teatro della Pergola*³¹. Существует, изданное в том же году, подробное описание всех сцен оперы³². По этому изданию мы можем понять, какие эпизоды запомнил и описал русский зритель, присутствовавший на спектакле. Это:

«*Пролог*. На облаках появляется Дворец Солнца. Венера и Солнце спускаются на своих колесницах и славят Герцога Тосканского. Затем сцена быстро переменяется и представляет море и все плывущие по нему люди славят новорожденного сына короля Испании.

Действие второе. Взятие города Аргос. На сцене представлен штурм городской крепости с участием множества солдат и орудий. Разыгрывается ожесточенный бой: бьют барабаны, гремит артиллерия, падают убитые и раненные.

Сцена 13. Грот Вулкана. Представляется морской пейзаж со скалами и пещерой Вулкана, кишашей циклопами и прочими чудовищами. Приплывает Купидон верхом на дельфине, подхватя героя, улетает на небо.

Сцена 19. Лагерь Линчео. Среди буколического ландшафта громоздятся руины, поросшие лесом, и холмы у стен Аргоса, где хозяйничают вороны, создавая печальное зрелище»³³.

Кроме оперы посланники присутствовали еще на двух театральных представлениях, а также смотрели «строю и игры ратного дела»³⁴, вероятно, карусель.

Почему записи о посещении посольством спектакля нет в подлинном «Статейном списке...»? Можно предположить, что существовала определенная степень официальной допустимости сведений, помещаемых в посольский статейный список. Если же в целом сегодня оценить акценты в содержании подлинного «Статейного списка...» и «Описания...», то в первом они политико-дипломатические, а во втором – культурно-познавательные, а вместе эти два документа ярко дополняют друг друга.

¹ РГАДА. Ф.88. Оп. 1. Д. 5 (1654 г.). Л. 1.

² Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656 г.).

³ См.: Descrizione della presa d'Argo e degli amori di Linceo e di Hipermnestra. Festa teatrale rappresentata dal signor Principe Cardinal Giovan Carlo di Toscana, Generalissimo del mare e Comprotettore dei negozi di Sua Maesta Cattolica di Roma, celebrare il natal del serenissimo Principe di Spagna. Firenze. 1658.

⁴ РГАДА. Ф. Госархив. Разряд XXVII. Оп. 1. Д. 118. Ч. 5. Л. 48.

⁵ Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся. Изданная Николаем Новиковым. М., 1788. 2 изд. С. 350.

⁶ Там же. С. 339–359.

⁷ РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. (1659 г.). Этот подлинный «Статейный список...» был опубликован в XIX в. с небольшим изменением в конце самого названия статейного списка; см.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871. Стб. 509–670.

⁸ Там же. Д. 1. (1659 г.) Л. 129–142.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 163, 174, 177.

¹¹ Древняя Российская Вивлиофика. С. 347.

¹² Там же. С. 350.

- ¹³ Там же. С. 352.
- ¹⁴ Там же. Свадьба сына герцога Тосканского Фердинанда Козимо и Маргариты Луизы Орлеанской состоялась в июне 1661 г. и являлась наиболее зрелищным событием Флоренции XVII в. Апартаменты первого этажа палаццо Питти были украшены росписями Якопо Кьявистелли.
- ¹⁵ Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских / редактор профессор Погодин. Т. III. Кн. 4. М. 1840. С. 324.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. Госархив. Разряд XXVII. Оп. 1. Д. 142.
- ¹⁷ Древняя Российская Вивлиофика. С. 341, 342; правда, один раз написано: «сентября» – С. 341.
- ¹⁸ Там же. С. 339.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 15. Л. 221.
- ²⁰ Там же. Д. 16. Л. 38.
- ²¹ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2 (1659 г.)
- ²² АВПРИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3.
- ²³ Голландская бумага с филигранью PP (*Pro Patria* с литерами *G & I Honig*), Т. б. Наewood № 3696–3699 (1724–1726).
- ²⁴ РГАДА. Ф. Госархив. Разряд XXX. Оп. 1. Д. 90. Кн. 31. Л. 26, 27 (1768 г.); Кн. 78. Л. 17, 58, 65, 67, 69 (1778 г.).
- ²⁵ Там же. Кн. 31–35.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. (1659 г.) Л. 4.
- ²⁷ Там же. Ф. Госархив, разряд XXVII. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.
- ²⁸ Там же. Л. 3.
- ²⁹ Там же. Л. 7, 15 об.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 8 (1659 г.). Л. 191.
- ³¹ Giov. Andrea Moniglia. *L'Hipermnestra: Festa Teatrale. Scena di Ferdinando Tacca. Incis. Di Silvio Alli. Firenze. 1658.*
- ³² Descrizione della presa d'Argo e degli amori di Linceo e di Hipermnestra. За любезное указание этих сведений и их перевод выражаю признательность А.С. Корндорф.
- ³³ Там же.
- ³⁴ РГАДА. Ф. Госархив. Разряд XXVII. Оп. 1. Д. 142. Л. 14об.-15.